

Патрушев Сергей

A group of five characters in a fantasy setting. In the center, a young man with reddish-brown hair and blue eyes wears a red and gold robe. To his right is a man with dark hair in a blue tunic with a glowing lightning bolt. On the far right is a knight in full plate armor with a helmet. In the foreground, a young woman with long blonde hair wears a white off-the-shoulder top. To the left, a man with short dark hair and a woman with blonde hair are partially visible. The background features a large castle with many spires under a sunset sky.

Ты моя любимая

Сергей Патрушев
Ты моя любимая

«Автор»

2026

Патрушев С.

Ты моя любимая / С. Патрушев — «Автор», 2026

Когда маг иллюзий Джек ди Фальконе крадёт Святую Лили из сердца Империи Люмена, он запускает цепь событий, способных сжечь миры. Люмен — царство стерильного Порядка, где магия измеряется математикой, а чувства считаются вирусом. Сицилия — земля дикого Хаоса. Чтобы спасти жену от участи стать батареей для Белого Престола, Джеку предстоит собрать отряд сломанных гениев: от вспыльчивого мага молний до ледяного убийцы. Их путь лежит через разрушенные города и Море Забвения к финальной битве с самой концепцией Порядка. Это история о том, как одна ложь может стать надеждой, а любовь самым опасным оружием против Империи.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Свет, который погас	5
Глава 2. Клятва на пепелище	10
Глава 3. Ледяное сердце Кени	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Сергей Патрушев

Ты моя любимая

Глава 1. Свет, который погас

Солнце над империей Сицилия не просто светило — оно ласкало. Его лучи, пробиваясь сквозь изумрудный полог Вечного леса, рассыпались на мириады золотых пылинок, которые танцевали в теплом воздухе, словно крошечные духи. Здесь, в самом сердце континента, природа и магия давно перестали быть двумя разными силами. Они сплелись в единый узор, создав рай, который соседи называли Жемчужиной Мира.

Деревья здесь росли не вверх, а к свету, изгибая свои стволы причудливыми арками. Их листья меняли оттенок в зависимости от настроения леса: утром они были нежно-салатовыми, к полудню наливались глубокой синевой, а на закате вспыхивали багрянцем и пурпуром. По траве, мягкой, как самый дорогой бархат, лениво скользили тени облаков, гонимых легким бризом с Лазурного моря. В кронах пели птицы, чьи голоса звучали не как трели, а как переливы хрустальных колокольчиков.

Джек стоял на краю обрыва, нависающего над Долиной Тысячи Водопадов. Внизу, в исполинской каменной чаше, вода срывалась с высоты в несколько сотен футов, разбиваясь в мелкую пыль, из которой рождалась вечная радуга. Джек щурился, глядя на солнце, и лениво щелкал пальцами.

Рядом с ним, на поваленном стволе древнего дуба, сидела Лили.

Ей было двадцать два, но выглядела она на шестнадцать — хрупкая, почти невесомая, с кожей цвета первого весеннего меда. Ее волосы, цвета расплавленного золота, были небрежно заплетены в косу, из которой то и дело выбивались пряди, подхваченные ветром. Она болтала босыми ногами, и капли воды, срывающиеся с обрыва, долетали до ее ступней, заставляя девушку тихо смеяться.

— Ты опять рисуешь пустоту, — сказала она, не поворачивая головы.

Джек фыркнул. В его руках был кусок угля, а на гладкой поверхности скалы перед ним проступал силуэт. Сначала это была просто серая тень, но по мере того, как Джек вливал в рисунок толику своей магии, тень обретала объем, цвет и фактуру. — Это не пустота, — возразил он, прищурив один глаз. — Это концептуализм. Я рисую то, чего нет, но что могло бы быть. Например, твою улыбку, если бы ты не была такой язвой.

Уголь в его пальцах вспыхнул, и на каменном лице проступила улыбка — точная копия той, что сейчас играла на губах Лили.

— Концептуализм — это когда ты пытаешься скрыть, что забыл нарисовать ей шею, — Лили легко спрыгнула со ствола и подошла к рисунку. Она провела пальцем по камню, и там, где она коснулась, линия угля на мгновение засияла мягким перламутром. — Магия иллюзий — самая бесполезная вещь на свете, Джек. Она не может накормить голодного. Не может исцелить рану. Она может только обмануть.

— Зато она может сделать так, — Джек щелкнул пальцами во второй раз.

Рисунок на скале моргнул. Каменная Лили открыла нарисованные глаза, которые оказались точь-в-точь цвета летнего неба, и подмигнула настоящей. Лили рассмеялась. Смех ее был похож на перезвон серебряных монет — чистый, легкий, лишенный всякого яда.

— Дурак, — сказала она, толкая его в плечо. — Ты тратишь свой дар на фокусы. — Мой дар — это отражение красоты, — серьезно ответил Джек, обнимая ее за талию и притягивая к себе. — А самая большая красота стоит сейчас рядом со мной и пытается критиковать великого художника.

Он зарылся лицом в ее волосы, вдыхая запах — дикий мед, полевые травы и что-то неуловимо чистое, присущее только ей. Лили была святой. Не в том смысле, в каком это слово использовали жрецы в пыльных храмах, бубнящие молитвы каменным идолам. Она была святой по своей сути.

Там, где ступали ее босые ноги, сквозь трещины в камнях пробивались крошечные белые цветы, которые распускались за считанные секунды. Птицы, завидев ее, слетались со всей долины и садились ей на плечи, не боясь. Когда Лили проходила мимо больного дерева, его сухие ветви на глазах наливались соком. Ее дар исцеления был абсолютным. Она не просто сращивала кости или затягивала плоть — она возвращала саму суть жизни.

Весь народ Сицилии любил ее. Не как правящую принцессу — трон империи пустовал уже столетие, управляемый Советом Мудрых, — а как живое воплощение их рая. Она была сердцем, которое билось в унисон с сердцем самой земли.

— Они снова прислали посольство, — тихо сказала Лили, высвобождаясь из объятий и глядя на горизонт.

Горизонт на севере, там, где кончался Вечный лес и начинались выжженные пустоши, был затянут странной, неестественной дымкой. Она не была похожа на туман. Она была слишком ровной, слишком белой, похожей на густой, вязкий кисель.

— Пошли их к демонам, — пробормотал Джек, целуя ее в шею. — Мы — Сицилия. У нас нет армии, потому что нам не с кем воевать. У нас нет стен, потому что нам нечего скрывать. Пусть их император подавится своей белой пылью.

— Император Люмен не подавится, — Лили вздохнула. — Джек, они не просто так присылают послов каждые десять лет. Они смотрят на нас, как на ошибку природы. Говорят, что магия не должна быть свободной. Что она должна служить человеку. А точнее — их Престолу.

Империя Люмен, Империя Белого Света, лежала за северными горами. Это было колоссальное государство, построенное на строгой иерархии, дисциплине и, как поговаривали, на магии совершенно иного толка — жесткой, геометрической, подчиняющей. Их города были выстроены из белого мрамора и стали, их дороги были прямыми, как копьё, а их рыцари носили доспехи, сияющие так ярко, что на них больно было смотреть.

— Мы для них — дикари, живущие на деревьях, — усмехнулся Джек, создавая над своей ладонью маленькую иллюзию бабочки с крыльями из чистого света. — А их святые — это инженеры, которые высчитывают углы преломления лучей.

— Они называют мой дар «неконтролируемым выбросом жизненной эссенции», — Лили поморщилась. — В их последнем письме говорилось, что источник жизни не может принадлежать одной женщине. Что он должен быть изъят, изучен и распределен во благо всего человечества.

Джек замер. Иллюзия бабочки в его руке дернулась и рассыпалась облачком золотистой пыли. — Что они хотят изъять? — его голос стал тихим, в нем зазвенел холодный металл. — Тебя, Джек. И меня. Всю Сицилию. Они считают, что наша гармония — это просто нераскрытый потенциал. Огромный резервуар силы, который глупые крестьяне используют, чтобы выращивать тыквы, вместо того чтобы двигать горы.

— Пусть только попробуют, — Джек сжал кулак. Его пальцы вспыхнули багровым светом — это прорвалась его истинная, боевая магия, которую он так старательно прятал за шутовскими иллюзиями. — Я превращу их сияющие доспехи в ржавое ведро. Я заставлю их великий Белый Свет танцевать джигу.

Лили повернулась к нему. В ее небесных глазах не было страха. Только бесконечная, всепрощающая нежность. — Не нужно танцев, — прошептала она. — Просто обещай мне, что если горизонт станет белым, ты не станешь героем. Герои долго не живут, а я не хочу быть вдовой. Обещай, что просто спрячешься.

— Я обещаю, что спрячу тебя, — ответил Джек, целуя ее в лоб. — Так глубоко, что ни один белый рыцарь не найдет.

Они не заметили, как день начал угасать. Солнце, коснувшись верхушек западных гор, залило долину расплавленным золотом. Воздух стал прохладнее, и запах озона от водопадов смешался с ароматом ночных фиалок, которые только-только начали раскрывать свои бутоны.

Джек и Лили сидели на краю обрыва, свесив ноги в пустоту, и ели дикую землянику, которую Джек доставал прямо из воздуха с помощью иллюзий — ягоды были холодными, как будто только что из погреба.

Внезапно пение птиц оборвалось. Не постепенно, стихая, а разом, словно кто-то нажал на невидимый выключатель. Наступила абсолютная, звенящая тишина. Даже шум водопадов внизу словно приглушили толстой подушкой.

Лили напряглась. Она медленно подняла руку, и белый цветок, росший у самого края скалы, в панике втянул свои лепестки, превращаясь в плотный зеленый бутон. — Джек, — прошептала она. — Свет изменился.

Джек посмотрел на север. Белая дымка, которую он видел час назад, пришла в движение. Она больше не была просто туманом. Она ползла. Она перетекала через невидимые горные перевалы, как разлитое молоко, поглощая тени, съедая цвета. Там, где она проходила, Вечный лес мгновенно терял свою синеву, становясь пепельно-серым.

А потом Джек увидел их.

Первые ряды появились на дальнем плато. Это были не люди. По крайней мере, двигались они не по-человечески. Слишком ровно. Слишком синхронно. Тысячи фигур в ослепительно-белых плащах шагали в ногу, и от их слаженного марша по земле шла едва заметная вибрация.

Их доспехи не отражали закатное солнце — они сами его излучали. Белый Свет, холодный, безжалостный, геометрически правильный. На нагрудниках каждого рыцаря горел один и тот же символ: раскрытый глаз, в зрачке которого был вписан циркуль.

— Посольство, — горько усмехнулся Джек, поднимаясь на ноги. Его иллюзии исчезли. Воздух вокруг него задрожал от концентрации чистой силы. — Кажется, они решили прийти без приглашения.

Лили тоже встала. Она была бледна, но ее спина оставалась прямой. Она вышла чуть вперед, закрывая собой Джека, хотя он был на голову выше и вдвое шире в плечах. — Остановитесь! — ее голос, усиленный магией земли, прогремел над долиной, перекрывая внезапно вернувшийся шум водопада. — Вы нарушаете границы Вечного леса! Назовите себя!

Передние ряды рыцарей остановились. Белая пыль, которую они несли на своих сапогах, медленно оседала на изумрудную траву Сицилии, и там, где она касалась земли, трава мгновенно чернела и рассыпалась в пепел.

Из строя вышел один. Его доспехи были инкрустированы платиной, а на плечах лежал плащ из материала, который не встречался в природе — он поглощал свет, создавая вокруг рыцаря ореол абсолютной тьмы, контрастирующей с его сияющей броней.

— Я — Первый Легат империи Люмен, Архитектор Третьего Порядка, — его голос не звучал из-под шлема. Он звучал везде сразу — в костях, в зубах, в самом воздухе. Скрежешущий, лишенный эмоций звук. — Мы пришли за Искомым. Отдайте Деву Источника, и Свет пощадит ваши тени.

— Какая поразительная наглость, — Джек шагнул из-за спины Лили, разводя руки в стороны. На его ладонях заплескали огненные химеры. — Вы стоите на земле, которая может раздавить вас в пыль одним вздохом, и требуете чего-то? Убирайтесь.

Первый Легат медленно поднял руку в латной перчатке. — Соппротивление нерационально.

Он сжал кулак. И мир сошел с ума.

Белый Свет, который до этого просто сиял на доспехах, хлынул с плато осязаемой волной. Это не было заклинанием. Это было похоже на то, как если бы само солнце решило упасть на землю лучом толщиной в милю.

Волна ударила в щит, который Джек возвел за долю секунды. Воздух взвизгнул, запахло озоном и паленой костью. Щит Джека, способный удержать удар катапульты, затрещал и пошел сетью трещин.

— Лили, беги! — закричал Джек, вкладывая в защиту остатки своих сил.

Но Лили не бежала. Она шагнула вперед, раскинув руки. Из ее ладоней навстречу Белому Свету хлынул поток чистого, теплого золота. Это была сама жизнь. Два потока — мертвенный, геометрический холод Люмена и живое, хаотичное тепло Сицилии — столкнулись в воздухе.

На мгновение показалось, что жизнь победит. Белый Свет зашипел, отступая перед золотым сиянием. Лили стиснула зубы, по ее щекам покатались капли пота, но она давила.

— Вы — болезнь! — крикнула она, и ее голос сорвался на рык. — Вы — пустота!

Первый Легат не дрогнул. Он медленно повернул голову в шлеме, и его невидимый взгляд уперся прямо в Лили. — Источник обнаружен. Изъять.

Из-за его спины, из рядов пехоты, выступили четыре фигуры. Они не носили тяжелых доспехов. Их тела были затянuty в черную, поглощающую свет ткань. Они двигались не шагом. Они перетекали по земле, как ртуть, огибая деревья, которые пытались схватить их корнями по приказу Лили.

Джек понял, что это за фигуры, за секунду до того, как они атаковали. Пожиратели. Маги Люмена, специализирующиеся на аннигиляции чужой силы.

— НЕТ! — взревел Джек.

Он бросил защиту и ударил иллюзией. Прямо перед Пожирателями возникла исполинская, сотканная из огня и дыма химера — дракон с тремя головами. Иллюзия была настолько плотной, что создавала тепловой удар. Две фигуры на мгновение замедлились, их разум — идеальный инструмент логики — попытался вычислить температуру пламени и массу чудовища.

Этой секунды хватило Лили. Она ударила чистой силой, и двоих Пожирателей просто смело с обрыва, превратив в размазанные кляксы на камнях.

Но оставшиеся двое уже были рядом.

Один из них выбросил руку в сторону Лили. Его пальцы не коснулись ее. Он просто указал на нее, и магия Лили — ее дар исцеления, ее связь с землей, само ее дыхание — натянулась, как струна.

— Джек! — успела крикнуть она.

Второй Пожиратель ударил Джека. Иллюзии Джека всегда были его броней. Он прятался за ними, он жил в них. Пожиратель не стал разрушать их. Он просто *стер* грань между реальностью и вымыслом.

Для Джека мир исчез. Он больше не стоял на обрыве. Он падал в бесконечную пустоту, состоящую из его собственных несбывшихся снов, из лиц людей, которых он никогда не встречал, из звуков музыки, которую никто не писал. Его разум, лишенный якоря реальности, начал рассыпаться.

Он увидел Лили. Она стояла в двадцати шагах от него, окруженная золотым ореолом, и держалась за горло. Первый Легат не стал тратить магию. Он просто подошел к ней — сквозь золотой свет, который бессильно стекал с его белых доспехов, как вода.

Легат схватил Лили за запястье. Раздался звук, похожий на треск ломающегося стекла. Золотой свет вокруг Лили мигнул.

— Нет! — Джек попытался закричать, но из его рта не вышло ни звука. Его горло было иллюзией.

Лили упала на колени. Ее волосы мгновенно потускнели, превратившись из золота в грязную солому. Кожа посерела. Она попыталась поднять руку, чтобы исцелить себя, но дар оставил ее. Белый Свет Люмена, коснувшись ее, не сжег. Он *аннулировал*. Он доказал ее телу, что магии не существует.

Первый Легат поднял хрупкое, обмякшее тело девушки на руки, как пушинку. — Груз зафиксирован. Уходим.

Ряды белых рыцарей начали медленно, с идеальной синхронностью, разворачиваться.

Джек упал на колени. Его вырвало желчью. Мир возвращался кусками. Обрыв. Водопад. Пепел на изумрудной траве.

Он поднял голову. Белая процессия уходила на север, унося с собой Лили. Первый Легат нес ее на плече, и ее безжизненно свесившаяся золотая голова билась о белую сталь доспеха.

Внутри Джека что-то оборвалось. Та часть его души, которая отвечала за шутки, за иллюзии бабочек, за рисование пустоты на скалах, сгорела дотла.

Он посмотрел на свои руки. Иллюзии больше не давались ему. Он попытался создать свет, но на ладонях плясало только холодное, мертвенное белое пламя, которое не грело, а лишь выжигало линии на его коже.

— Верните ее, — прошептал он в пустоту.

Первый Легат, уже шагавший во главе колонны, не оборачиваясь, бросил через плечо. Его голос-скрежет разнесся над всей долиной: — Свет не возвращает. Свет забирает. Молись своей пустоте, маг. Мы придем за вами всеми.

Когда последний белый плащ скрылся за поворотом тропы, на Сицилию опустилась ночь. Но она не принесла прохлады. Воздух стал тяжелым, вязким, пахнувшим гарью и смертью.

Джек сидел на краю обрыва. Он не плакал. Слезы — это тоже часть жизни, а жизнь только что ушла из него вместе с Лили.

Он посмотрел на свои ладони. На них медленно проступали выжженные символы — не циркуль Люмена, а нечто иное. Древние, первобытные руны, которых не было ни в одном гримуаре Сицилии. Руны Пустоты.

Его магия иллюзий умерла. Но на ее месте, в выжженной дотла душе, просыпалось нечто гораздо более страшное.

Джек ди Фальконе, легкомысленный маг, посмотрел на север, где горизонт все еще светился мертвенным белым светом.

— Любой ценой, — сказал он в тишину мертвого леса.

И лес вокруг него ответил тихим, утробным гулом, соглашаясь с клятвой. Свет, который погас в глазах Лили, зажег в Джеке огонь, перед которым меркло само солнце.

Глава 2. Клятва на пепелище

Сознание возвращалось не вспышкой, а тяжелым, вязким осадком, оседающим на дне черепной коробки. Первым пришел запах. Не аромат ночных фиалок и не свежесть водопада. Вонь. Смесь жженого сахара, озона, спекшейся крови и чего-то химического, мертвого — так пахнет Белый Свет Люмена, когда он выжигает саму суть магии, оставляя после себя лишь пустую породу.

Джек открыл глаза.

Небо над ним было цвета старой гематитовой пластины — темно-серое, с прожилками болезненного фиолетового. Он лежал на спине, чувствуя щекой не мягкий мох, а острый, горячий гравий. Он попытался пошевелить рукой. Мышцы отозвались тупой, разливающейся болью, словно он пытался поднять каменную глыбу.

Он сел.

Долины Тысячи Водопадов больше не существовало.

Там, где еще вчера цвел Вечный лес, теперь простиралась серая, спекшаяся пустыня. Деревья не были срублены или сожжены в привычном смысле. Они стояли, как стеклянные изваяния, полупрозрачные, покрытые сетью трещин. Их листья осыпались не пеплом, а тончайшим белым песком. Водопады пересохли. На их месте зияли черные провалы в граните, из которых поднимался едкий, желтоватый пар.

Радуга исчезла.

Джек посмотрел на свои руки. Они тряслись. Мелкой, противной дрожью. Он сжал кулаки, пытаясь унять тремор, и в этот момент увидел то, что сделала с ним магия Пожирателей.

Кожа на ладонях и тыльных сторонах кистей была покрыта сетью шрамов. Но это были не ожоги. Линии были абсолютно черными, вплавленными в плоть, словно кто-то выжег на нем карту неизведанных земель. Руны Пустоты, которые он увидел в момент падения своего рассудка, никуда не исчезли. Они пульсировали в такт его сердцебиению, и от них исходил могильный холод.

Он поднес ладонь к лицу и попытался создать иллюзию. Раньше это было так же естественно, как дышать: щелчок пальцев, легкий изгиб воли, и в воздухе появлялся светящийся мотылек.

Сейчас ничего не произошло.

Джек щелкнул снова. И снова. Его пальцы двигались механически, но между волей и результатом выросла стеклянная стена. Он давил, пытаясь пробить ее, и почувствовал, как Руны Пустоты на ладонях обожгло ледяным холодом.

Вместо мотылька из его пальцев вырвался сгусток абсолютной черноты. Это не была тень. Тень — это отсутствие света. Это было нечто иное. Это был кусок вырванной из реальности материи. Сгусток упал на спекшуюся землю, и камень под ним зашипел, превращаясь в черную пыль.

— Иллюзии мертвы, — хрипло произнес Джек. Его собственный голос показался ему чужим, лишенным эха. — Добро пожаловать в Пустоту, шут.

Он поднялся на ноги. Земля была горячей. Джек сделал шаг, и под его сапогом хрустнуло. Он посмотрел вниз.

Среди серого пепла лежал осколок фарфора. Джек поднял его, стряхнув пыль. Это была ручка от ее любимой чашки — той самой, из которой она каждое утро пила отвар из лесных ягод. На белом фарфоре синими чернилами был нарисован крошечный василек.

Джек сжал осколок так, что края впились в ладонь. Боль была настоящей. Она врывалась в его распадающийся разум стальными гвоздями, не давая ему окончательно провалиться в безумие.

Он заставил себя посмотреть на то место, где стоял их дом.

Его не сожгли. Его стерли. Белый Свет Люмена прошел сквозь него, как нож сквозь масло, аннигилируя структуру дерева и камня. На месте их спальни, где на рассвете Лили рисовала на запотевшем окне, теперь была идеально круглая, зеркально-гладкая воронка из черного обсидиана.

— Любой ценой, — прошептал Джек, глядя в свое отражение в обсидиане. На него смотрел мертвец. Глаза ввалились, кожа приобрела землистый оттенок, а в волосах, еще недавно цвета темного меда, проступила седина. — Любой ценой, слышишь?

Обсидиан молчал.

Джек понимал, что в одиночку ему не пройти и мили по землям Люмена. Белый Свет — это не просто армия. Это математическая функция, воплощенная в стали. Идеальная логистика, абсолютная координация и магия, которая работает не на вдохновении, а на чертежах. Чтобы пробить такую стену, нужен таран.

Таран из людей, которых он когда-то называл друзьями.

Академия Семи Шпилей в городе Аркадия находилась в трех неделях пути на восток, если идти по тракту. Джек не пошел по тракту.

Он шел через мертвый лес. Руны Пустоты на его руках реагировали на остатки магии Сицилии. Там, где под пеплом еще теплились корни древних деревьев, руны пульсировали, и Джек чувствовал направление. Это было похоже на наведение на цель. Пустота искала жизнь, чтобы поглотить ее, и Джек, сам того не желая, стал компасом, указывающим на магические аномалии.

На пятый день пути он вышел к Перекрестку Висельников.

Когда-то это был оживленный трактир, где торговцы меняли шелк на пряности, а наемники — мечи на золото. Теперь от него остались только обугленные сваи.

Джек остановился, почувствовав запах жареного мяса.

Он осторожно обошел руины и замер за поваленной колонной.

У костра, разведенного прямо посреди дороги, сидела троица.

Один — огромный, как медведь-гризли, с густой черной бородой, заплетенной в косы, в которые были вплетены гильзы. Он крутил в руках тяжелый боевой топор, лезвие которого было покрыто рунами сдерживания. Это был Гром, стихийник, маг земли и камня. Самый прямолинейный человек из всех, кого знал Джек. Если Гром хотел попасть в дверь, он не открывал ее — он делал новую, проламывая стену.

Второй — тощий, как жердь, с абсолютно лысой головой, на которой была вытатуирована сложная схема печатей. Он сидел, скрестив ноги, и безостановочно что-то чертил веточкой в пыли. Его пальцы были в чернилах до самых ногтей. Финн. Мастер барьеров, печатей и пространственной геометрии. Человек, который мог построить тюрьму внутри песчинки.

Третья — женщина. Она стояла спиной к костру, глядя в темноту леса. На ней был тяжелый кожаный плащ с капюшоном, а на поясе висели метательные ножи, которые, казалось, сами по себе чуть заметно подрагивали. Когда она повернулась, Джек увидел ее лицо — узкое, хищное, с глазами цвета вороненой стали. Вега. Маг крови и стали. Ее магия была грязной, запретной и невероятно эффективной.

— ...говорю тебе, Финн, это не патруль Люмена, — басил Гром, вгрызаясь в кусок вяленого мяса. — Патруль ходит строем и воняет их белым маслом. А здесь следы. Один человек. Идет быстро, но тяжело. Как будто тащит на плечах гору. — Или как будто земля под ним горит, — не отрываясь от чертежа, проскрипел Финн. — Ты посмотри на песок, Гром. Он спекся. И

это не от твоего перегара. Температурный скачок в полторы тысячи градусов. Локальный. — Может, это Вега опять тренировалась швырять свои ножички? — огрызнулся Гром.

Вега молча шагнула к костру. Она присела на корточки, протянула руки к огню, но не грелась. Она смотрела на пламя так, словно видела в нем что-то внутренности. — Это не я, — тихо сказала она. — Пламя здесь плачет.

Джек вышел из-за колонны.

Он не пытался красться. Он просто шагнул в круг света.

Реакция была мгновенной. Вега метнула два ножа еще до того, как Гром успел встать. Клинки свистнули в воздухе, метя Джеку в глаз и в яремную вену.

Джек не стал ставить щит. Он не мог создать иллюзию, а Руны Пустоты требовали слишком много концентрации для защиты. Он просто шагнул в сторону.

Но ножи не пролетели мимо. Они ударились о невидимую преграду в дюйме от лица Джека и со звоном отлетели в пыль. Финн опустил руку. Пространство вокруг Джека пошло легкой рябью — искаженный воздух, плотный, как стекло.

— Стоять! — рявкнул Гром, поднимаясь во весь свой исполинский рост. В его ладони уже формировался каменный валун. — Кто бы ты ни был, дух или мертвец, тебе здесь не рады.

— Духу нужен был бы костер, чтобы греться, — спокойно ответил Джек, выходя из искаженного Финном пузыря. — А мертвецу — гроб. Мне нужно только место у огня. И ответы.

Он шагнул ближе. Луна вышла из-за туч, осветив его лицо.

Гром замер с занесенным топором. Камень в его руке рассыпался песком. — Джек? — его голос дрогнул. — Демоны Пустоши... Мы думали, ты погиб. Когда прошел слух, что Люмен прошелся по Сицилии...

— Слух не врал, — перебил Джек. Он подошел к костру и сел на поваленное бревно, протянув руки к огню. Руны на ладонях пульсировали в такт треску поленьев. — Они забрали Лили.

Слово «Лили» повисло в воздухе тяжелее, чем могильная плита.

Вега медленно опустилась на корточки. Ее стальные глаза, казалось, стали еще темнее. Финн перестал чертить. Его рука с веточкой замерла над пылью. Даже Гром, который обычно заполнял собой все звуковое пространство, молчал, тяжело дыша.

— Всю Сицилию выжгли за одну ночь, — продолжил Джек. Голос его был ровным, лишенным эмоций. — Я очнулся в воронке. Мой дом — стекло. Мой лес — пепел. Моя магия... — он поднял руки. Черные руны слабо светились в темноте. — Моя магия мертва.

— Иллюзии? — осторожно спросил Финн. — Иллюзии сгорели вместе с ней, — Джек посмотрел на бывшего однокурсника. — Теперь у меня есть только это. Пустота. Она жрет все, к чему прикасается. Финн, ты видишь структуру? Что это?

Финн подошел ближе, осторожно, словно к ядовитой змее. Он достал из поясной сумки медную лупу и наклонился над ладонями Джека. — Это не руны, — спустя минуту произнес он. — Это анти-руны. Кусочное уравнение. Ты не носишь магию, Джек. Ты носишь ее отсутствие. Это формула вычитания. Если я правильно читаю узлы... ты можешь не создавать. Ты можешь аннулировать.

— Великолепно, — усмехнулся Джек. — Я стал дырой в форме человека. Но это не поможет мне пройти через северные перевалы. Люмен выставил там стену из Белого Света. Ее не пробить камнем Грома и не обойти тенями Веги.

— И печатями ее не удивить, — добавил Финн, возвращаясь на свое место. — Их Архитекторы сами пишут законы физики. Мы для них — просто ошибки в коде, которые они исправляют.

— Значит, нам нужно найти того, кто пишет код лучше них, — сказал Джек.

Гром громко фыркнул, разбрызгивая жир. — Ты про Архонта? Джек, он давно сошел с ума. Сидит в своей башне из живого серебра, разговаривает с зеркалами и считает, что время

— это сорт сыра. Мы не видели его со дня выпуска. — Архонт — теоретик, — покачал головой Финн. — Он не пойдет на войну. Он даже из комнаты не выйдет, если там сквозняк нарушает его расчеты энтропии.

— Мне не нужен Архонт, — Джек перевел взгляд на Вега. — Мне нужен Маркус.

Имя упало в костер, как капля воды в раскаленное масло. Вега медленно подняла голову. Ее пальцы, лежавшие на рукояти ножа, побелели от напряжения. — Не произноси это имя, — тихо, с угрозой произнесла она. — Маркус мертв для нас.

— Маркус жив, — отрезал Джек. — И если кто-то в этом мире знает, как взломать Белый Свет, то это он.

Маркус не был их однокурсником в привычном смысле. Он был их кошмаром. Гений проклятой крови. Там, где Вега использовала кровь для усиления своего тела и оружия, Маркус использовал ее как чернила для написания реальности. Он не подчинял стихии — он переписывал их суть. На последнем курсе Академии он попытался изменить состав крови дракона, чтобы превратить ее в жидкое время. Его едва успели остановить, исключив с формулировкой «непригоден для жизни в обществе».

Последние пять лет о нем ходили только слухи. Говорили, что он ушел в Змеиные Топи, где магия гниет заживо, и там строит лабораторию. Говорили, что он продал душу Пожирателям Тени в обмен на формулу абсолютного распада.

— Ты сошел с ума, — Гром стукнул кулаком по колену. — Маркус ненавидит тебя. Ты смеялся над ним на выпускном. Ты наколдовал ему на голову иллюзию танцующего осла, когда он защищал свой диплом. — Я наколдовал ему иллюзию короны, — поправил Джек. — Осел был бонусом. Но мне плевать на его обиды. Лили у них. И единственный, кто понимает, как работает их «изъятие» — это тот, кто сам всю жизнь пытался что-то изъять из ткани мироздания.

— Если мы пойдем в Топи, Гром потеряет половину силы — там нет камня, только гниль, — Финн начал загибать пальцы. — Мои печати будут расплзаться от миазмов. Вега... Вега, как ты себя чувствуешь в месте, где кровь земли отравлена? — Я чувствую себя дома, — отрезала Вега. — Но Маркус нас не примет. Он убьет нас на подходе. Он параноик.

— Значит, мы придем не с пустыми руками, — Джек поднялся. Огонь осветил его лицо, и на мгновение друзьям показалось, что перед ними стоит не их старый знакомый весельчак, а изваяние из древнего, проклятого камня. — Финн. Ты сказал, что мои руны — это формула вычитания. Ты можешь ее стабилизировать? Сделать так, чтобы я не распадался?

Финн долго смотрел на черные узоры, потом на лицо Джека. — Это будет больно, — сказал он. — И это свяжет тебя с Пустотой навсегда. Ты больше никогда не увидишь радугу, Джек. Твоя тень начнет жить своей жизнью. — Радугу они уже забрали, — ответил Джек. — Приступай.

Ритуал Финн проводил на восходе луны. Джек стоял в центре начерченной на земле сложной мандалы. Вокруг него горели свечи из черного жира. Гром держал в руках массивный каменный якорь, который должен был удерживать тело Джека, если Пустота решит забрать его целиком. Вега стояла поодаль, держа наготове серебряный клинок — если Джек обратится, она должна была отсечь ему голову.

Финн читал заклинания. Его голос звучал на мертвых языках, резонируя с Рунами на руках Джека.

Боль началась не сразу. Сначала Джек почувствовал зуд под кожей. Затем зуд превратился в тысячи раскаленных игл, вонзающихся в нервные узлы. Руны на его ладонях вспыхнули угольной чернотой и поползли выше по рукам.

— Не сопротивляйся! — крикнул Финн. — Пусть она течет!

Джек закричал. Это был не человеческий крик — это был звук рвущегося металла. Пустота хлынула в него. Она не заполняла его — она выжигала изнутри все лишнее: воспоминания о смехе Лили, вкус земляники, тепло ее кожи. Она оставляла только каркас. Цель.

Черные узоры оплели его плечи, шею, подобрались к лицу. Его глаза полностью залило непроглядной тьмой — белки, радужка, зрачки исчезли. Теперь в его глазницах плескалась первозданная ночь.

Когда все закончилось, Джек стоял на ногах. Он тяжело дышал, выпуская изо рта облачка черного пара. — Как ты? — осторожно спросил Гром.

Джек моргнул. Его новые глаза видели иначе. Он видел не предметы, а связи между ними. Он видел, как вибрируют молекулы в камне под ногами, как течет гниль в корнях деревьев, как бьется сердце Веги в ста шагах от него. — Я вижу, где мир сломан, — хрипло ответил он. — Идем. Нам нужно к Маркусу.

Змеиные Топи встретили их запахом тления и звоном насекомых, размером с кулак. Воздух здесь был густым, желтым, пропитанным испарениями болотного газа. Магия здесь действительно гнила. Заклинания Финна, которые должны были защищать их от ядовитых испарений, трескались через каждые сто шагов, и ему приходилось чертить их заново, постоянно сверяясь с компасом, стрелка которого вращалась как сумасшедшая.

Гром шел впереди, расчищая путь. Здесь его сила была бесполезна для атаки — под ногами хлюпала жижа, а не гранит. Но он использовал ее для навигации. Он прикладывал ладони к земле и слушал. — Там, — он указал на север, где из тумана торчали остроконечные скалы. — Под нами пустота. Огромная рукотворная полость. И там бьется сердце. Слишком быстрое для человека. Слишком размеренное для зверя.

— Это его часы, — прошептал Финн. — Маркус всегда говорил, что механические часы — удел посредственностей.

Вега двигалась бесшумно. Для нее Топи действительно были домом. Она срезала ядовитые лианы одним движением ножа, и растения, казалось, сами уступали ей дорогу, чувствуя родственную, темную силу.

— Джек, — позвала она, не оборачиваясь. — Твоя тень.

Джек посмотрел себе под ноги. Его тень больше не повторяла его движений. Она жила. Она тянулась к гнилым пням, обволакивала их, и пни мгновенно рассыпались черной трухой. Когда Джек останавливался, тень продолжала ползти вперед, ощупывая пространство.

— Финн, — позвал Джек. — Я вижу, — отозвался тот, вытирая пот со лба. — Она питается. Твоя Пустота голодна. Если мы не найдем ей применения, она начнет жрать тебя.

Они вышли к скалам, когда солнце начало клониться к закату, окрашивая ядовитый туман в цвет запекшейся крови.

Лаборатория Маркуса не имела дверей. Вернее, дверь была — идеально ровный срез в скале, но он был затянут пленкой, похожей на мыльный пузырь, только черного цвета.

— Пространственный карман, — констатировал Финн. — Четвертого порядка. С обратной энтропией. Если мы просто ударим, нас вывернет наизнанку.

— Маркус! — крикнул Джек. Его голос, усиленный магией Пустоты, прозвучал как скрежет когтей по стеклу. — Я знаю, что ты слышишь! Открывай!

Черный пузырь дрогнул. В его поверхности, как в ртути, появилось лицо. Оно не было человеческим. Кожа Маркуса была мертвенно-бледной, почти прозрачной, и под ней, вместо капилляров, текла вязкая, черная субстанция. Его глаза были зашитыми шрамами.

— Джек, — голос Маркуса прозвучал не изо рта на лице в пузыре, а отовсюду сразу. — Мальчик, потерявший свою святую. Какая... предсказуемая трагедия. Пришел просить о помощи?

— Пришел забрать тебя, — ответил Джек.

Лицо в пузыре растянулось в улыбке, больше похожей на порез. — У тебя теперь интересные глаза. Пустые. Ты стал похож на меня. Это... лестно. Но я занят. Я как раз нахожусь на финальной стадии отделения души от концепции греха. Зайдите через пару веков.

— У меня нет пары веков, — Джек шагнул вплотную к черному пузырю. — Они забрали Лили. Как «источник». Они называют это «изъятием». Ты знаешь, как это работает.

Улыбка исчезла с лица Маркуса. — Изъятие... — повторил он. — Люмен всегда был прагматиком. Они не убивают магию, Джек. Они ее доят. Они нашли способ отделить душу от носителя, не убивая носителя, и перекачать чистую жизненную силу в свои резервуары. Лили сейчас... не мертва. Она — идеальный сосуд. Безвольный насос.

— Как это остановить? — голос Джека дрогнул впервые за все время.

— Никак, — пожал плечами Маркус. — Если сосуд уже подключен к их Главному Котелану в столице, вы получите только труп. Вам нужно бить в источник. В сам Белый Свет. В их Престол.

— Тогда ты пойдешь с нами, — Джек поднял руку. Руны Пустоты на ней вспыхнули, и черный пузырь перед ним пошел трещинами. — Ты единственный, кто понимает их чертежи.

— Я не выходил из этой лаборатории десять лет, — лицо Маркуса исказилось гневом. — Я не покину ее ради твоей романтической мести. Уходи, иллюзия.

— Ты не в лаборатории, Маркус, — тихо сказал Финн, выступая вперед. — Ты в тюрьме.

Финн ударил печатью. Он не чертил ее в воздухе. Он просто хлопнул в ладони. Сотни невидимых геометрических фигур, которые Финн незаметно расставлял вокруг скал последние полчаса, схлопнулись.

Пространственный карман затрещал. Лицо Маркуса исказилось в беззвучном крике. Черный пузырь лопнул с оглушительным звоном, и из него, вместе с волной спрессованного воздуха, вылетел сам Маркус.

Он упал в болотную грязь, кашляя. Его черная кровь смешивалась с желтой водой. Он попытался встать, но Финн уже стоял над ним, держа в руках активированный ошейник из серебра. — Твоя кровь больше не переписывает реальность, — сказал Финн. — Геометрия этого ошейника блокирует любую попытку изменить константы. Ты теперь просто очень умный, но смертельно опасный человек.

Маркус поднял голову. Его защитные глаза смотрели на Джека. — Ты пришел с предателями, — прохрипел он. — Финн всегда был крысой, прячущейся в углах. — Я был тем, кто считал твои ошибки, — ответил Финн. — Иди в центр группы, Маркус. Если попытаешься коснуться любого из нас, ошейник превратит твои кости в пыль.

Вега подошла к Маркусу и приставила нож к его горлу. — Одно неверное заклинание, — прошипела она, — и я выпущу твою драгоценную кровь в болото. Посмотрим, как ты будешь переписывать мироздание без нее.

Гром молча поднял Маркуса за шиворот, как котенка, и поставил на ноги.

Джек смотрел на свой отряд. Маг земли, чьи корни вырваны. Мастер печатей, запертый в собственной логике. Маг крови, ненавидящая всех. Проклятый гений в наморднике. И он сам — дыра в форме человека, ведомая голодом Пустоты.

— Выглядит безнадежно, — усмехнулся Джек, обращаясь к Маркусу. — Как раз твой уровень сложности.

Маркус сплюнул грязь. Он обвел взглядом каждого, задержавшись на черных глазах Джека. — Вы все умрете, — сказал он. — Но я, пожалуй, посмотрю, как именно. Это будет самое красивое уравнение распада, которое я когда-либо видел.

— Значит, по рукам, — Джек развернулся на север. — Выдвигаемся. До границы Сицилии три дня пути. До стен Люмена — месяц.

— Месяц? — переспросил Гром, закидывая на плечо топор. — Я не ходил так долго без нормальной скалы под ногами. — У тебя будет много работы, — мрачно пообещал Джек. — Нам нужно будет построить дорогу через их Белый Свет.

Они двинулись в путь. Туман Топь расступался перед ними, а за их спинами, в гниющей жиже, медленно оседала черная тень Джека, доевшая последний уцелевший островок жизни в радиусе ста футов.

Клятва, данная на пепелище, начала обретать плоть. И эта плоть была голодной.

Глава 3. Ледяное сердце Кени

Граница Сицилии встретила их не патрулями, а тишиной.

Здесь Белый Свет Люмена еще не успел превратить землю в стекло, но его дыхание уже ощущалось. Воздух стал разреженным и колким. Каждый вдох царапал легкие, словно Джек глотал битое стекло. Зелень исчезла, сменившись бурыми, мертвыми папоротниками, которые рассыпались в прах от одного прикосновения.

— Они выпивают влагу, — хрипло сказал Гром, растирая замерзшие ладони. — Камень здесь еще живой, но он сохнет. Мои жилы пустеют.

Великан был прав. Его связь с землей, дававшая ему силу, истончалась. Чем ближе они подходили к владениям Люмена, тем меньше первородной магии оставалось в почве. Для Финна это было пыткой: его печати, основанные на гармонии чисел, начали «плыть». Линии, начерченные на земле, искажались, превращаясь из идеальных кругов в рваные, асимметричные кляксы.

— Мы пересекаем изотерму, — пробормотал Маркус, кутаясь в плащ, который казался слишком тонким для такого холода. — Люмен не просто убивает магию. Он меняет климатические константы. Выравнивает мир под свою линейку.

— Заткни его, — бросила Вега, не оборачиваясь. — Его лекции меня утомляют.

Они шли уже вторую неделю. Запасы еды подходили к концу, а дичь в этих краях просто исчезла. Птицы не пели, звери не оставляли следов. Единственными живыми существами здесь были они сами и голодная Пустота внутри Джека.

Его новые глаза видели мир как карту температур. Гром светился тусклым багровым — остаточное тепло жизни. Финн — холодным синим светом концентрации. Маркус пульсировал болезненным фиолетовым — гниющая магия крови. Вега же была сплошным черным провалом, поглощающим свет.

Сам Джек теперь не излучал ничего. Он был абсолютным нулем. Пустота внутри него требовала подпитки, и он чувствовал, как она жадно тянет тепло из окружающего мира. Если бы не руны Финна, сдерживающие этот процесс, радиус в десять футов вокруг Джека уже давно покрылся бы инеем.

На двенадцатый день пути Финн остановил их. — Впереди аномалия, — сказал он, сверяясь со своим медным компасом. Стрелка не просто дрожала — она билась в конвульсиях, пытаясь проткнуть циферблат. — Резкий перепад температуры. Минус сто по Цельсию на площади в пятьдесят квадратных метров. И это не природное явление. Это... архитектура.

— Ледяная ловушка? — спросил Гром, поудобнее перехватывая топор. — Слишком сложная, — Финн покачал головой. — Слишком изящная. Это не защита. Это... искусство.

Они вышли на поляну и замерли.

Посреди мертвого леса стоял дом. Но назвать это домом можно было лишь с большой натяжкой. Это была гигантская глыба прозрачного, кристально чистого льда. Она не выглядела замерзшей водой. Она казалась выточенной из единого алмаза. Внутри, сквозь толщу льда, виднелись очертания мебели, застывшие в вечности, и огромный камин, в котором горел огонь.

Пламя в камине было ледяным. Оно не давало дыма. Оно светилось неестественным, сапфировым светом и не плавало лед вокруг себя, а, казалось, наоборот, поддерживало его структуру.

— Добро пожаловать в гости к призраку, — прошептал Маркус. — Я слышал о нем. Кеннет. Кени. Лучник, который промахнулся.

— Почему промахнулся? — спросил Джек, не отрывая взгляда от ледяного пламени. — Потому что его цель выжила, — ответил Маркус. — И теперь он замораживает свое горе.

Вега шагнула вперед первой. Она положила ладонь на ледяную стену. — Он здесь, — сказала она. — Спит. И его сны очень холодные.

— Как мы его выманим? — Гром ударил кулаком по льду. Раздался гул, но на поверхности не осталось даже царапины. — Я не могу его выкопать, здесь нет земли. Финн?

— Если я начну плавить это, нас всех погребет под лавиной, — Финн уже чертил в воздухе расчеты, его губы беззвучно шевелились. — Коэффициент преломления... плотность... это не просто лед. Это структурированная магия воды.

— Оставьте, — сказал Джек.

Он шагнул вперед, отстраняя Вегу. Его спутники замерли, ожидая, что он применит Пустоту. Что он начнет высасывать тепло из льда, разрушая его чернотой.

Но Джек сделал нечто иное.

Он закрыл глаза.

Для него, видящего мир в вибрациях и пустотах, иллюзия больше не была игрой света. Теперь это была игра смыслов. Он не мог создать мотылька, но он мог создать *идею* мотылька.

Джек коснулся льда. Он не стал стучать. Он просто вложил в этот контакт всю свою тоску. Руны на его руках вспыхнули, но не поглотили тепло, а *отдали* его. Не свет, не огонь — чистую, концентрированную эмоцию.

Внутри ледяного дома, в сапфировом пламени камина, что-то изменилось. Огонь дернулся.

Двери не было. Просто участок стены с тихим шелестом осыпался тысячей сверкающих осколков.

На пороге стоял человек.

Он был высок, худ и двигался с пугающей плавностью. Его волосы, белые как свежее выпавший снег, были заплетены в тугую косу. Кожа — бледная, почти прозрачная, с просвечивающими синими венами. Но самым страшным были его глаза. Зрачки Кени были не черными, а льдисто-голубыми, с вертикальным, как у хищной кошки, разрезом. В них не было белков — только замерзшая вода.

В руках он держал лук. Но лук был частью его руки — он рос прямо из его предплечья, сплетаясь из костей и замерзшего нерва.

— Вы таете, — сказал Кени вместо приветствия. Его голос звучал как треск наста под ногами. — Ваши сердца бьются слишком быстро. Вы приносите с собой весну. Я не люблю весну. Она портит геометрию льда.

— Мы не за весной, — Джек шагнул внутрь. Холод внутри дома был невыносимым, но Пустота внутри Джека жадно впитывала его, и сам Джек не чувствовал дискомфорта. — Мы пришли за стрелком.

Кени поднял лук. С тетивы сорвалась стрела, которой там секунду назад не было. Она летела беззвучно, оставляя за собой шлейф из морозного узора.

Джек не стал уклоняться. Он выставил руку. Стрела ударила о его ладонь и не разбилась. Она просто... исчезла. Пустота на руке Джека поглотила ее кинетическую энергию и форму. На снег упал лишь маленький комочек талой воды.

— Интересно, — Кени склонил голову набок. — Ты не блокируешь. Ты стираешь. Кто ты, дыра в мироздании?

— Я тот, чья жена сейчас висит на крюке в столице Люмена, — спокойно ответил Джек. — Меня зовут Джек. И нам нужен лучший лучник в мире.

Кени молчал долго. Слишком долго. Секунды тянулись, как смола. За его спиной, в ледяном доме, Джек видел застывшие картины прошлого. Вот Кени смеется, обнимая женщину с такими же ледяными глазами. Вот он учит ее стрелять. А вот — пустая комната, где на полу лежит лишь алая роза, замороженная в лед так искусно, что ее лепестки казались живыми.

— Лучший лучник мертв, — наконец произнес Кени. — Он умер в Залах Тысячи Эхо, когда его стрела должна была убить Императора Люмена, но вместо этого убила ту, что стояла рядом.

— Значит, ты нам не нужен, — кивнул Джек. — Нам нужен мертвец, который умеет стрелять. Потому что мы идем убивать Императора.

Вега за спиной Джека тихо выругалась. Гром переступил с ноги на ногу, проламывая ледяную корку на полу.

Кени впервые моргнул. Его льдистые зрачки расширились. — Вы не пройдете и мили. Белый Свет выжжет вам глаза. — У меня нет глаз, которые можно выжечь, — сказал Джек. — У меня есть Пустота. Но мне нужна стрела, которая пробьет их Престол.

— Я не продаюсь, — Кени снова поднял лук. — Убирайтесь. Заберите свою весну.

— Мы не уйдем, — вмешался Финн. — Твой дом, Кени. Он идеален. Математически безупречен. Но это склеп. Ты хоронишь себя заживо, потому что боишься, что если растопишь лед, то боль снова станет настоящей.

— Боль — это единственное, что реально, — отрезал Кени.

— Боль — это просто сигнал о том, что ты еще жив, — прорычал Гром. — Хватит ныть. Если хочешь плакать — иди и разбей пару гор. Это полезнее, чем морозить задницу.

Кени проигнорировал великана. Его взгляд был прикован к Джеку. — Ты силен, — сказал ледяной лучник. — Твоя пустота... она древнее, чем магия Люмена. Но ты слеп. Ты не видишь, почему они забрали твою женщину.

— Потому что они фанатики, — бросил Джек.

— Нет, — Кени опустил лук. — Потому что она — Солнце. А Люмен — это Луна. Луна не может существовать без источника света, который она будет отражать. Они забрали ее не для того, чтобы убить. Они забрали ее, чтобы сделать своей. Они поставят ее в центре своей столицы, и Белый Свет будет питаться ее жизнью вечно. Она станет их вечным аккумулятором.

— Значит, мы вытащим ее, — упрямо сказал Джек.

— Вы не понимаете масштаба, — Кени прошел мимо них и вышел на улицу. Он поднял голову к небу. — Смотрите.

Джек и остальные вышли следом.

Кени протянул руку. На его ладонь упала снежинка. Обычная, крошечная снежинка. Но когда она коснулась его кожи, она начала расти.

Она росла с чудовищной скоростью, впитывая влагу из воздуха. Секунда — и она размером с тарелку. Две — с колесо телеги. Десять секунд — и над поляной зависла исполинская, идеально правильная снежинка, переливающаяся в лучах заходящего солнца.

— Красиво, не правда ли? — спросил Кени. — Идеальная симметрия. Шесть лучей. Каждый — копия другого. Это магия Люмена в ее основе. Порядок.

Снежинка начала падать. Она опускалась медленно, величественно. И там, где ее тень касалась земли, жизнь умирала. Трава, чудом выжившая на границе, мгновенно превращалась в стеклянную пыль. Мох чернел.

— Они не просто воюют, — Кени сжал кулак, и исполинская снежинка с оглушительным звоном рассыпалась на миллиард острых, как бритва, осколков, которые унес ветер. — Они переписывают саму природу. Они считают хаос — а магия Сицилии была хаосом — болезнью. Они лечат мир. До смерти.

— И что ты предлагаешь? — спросил Джек. — Замерзнуть вместе с ними?

— Я предлагаю вам уйти, пока я не заморозил вашу кровь прямо в жилах, — холодно ответил Кени.

Джек посмотрел на Маркуса. Проклятый гений стоял в стороне, скрестив руки, и на его губах играла усмешка. — Он не станет драться, — сказал Маркус. — Он боится. Его магия

— это абсолютный ноль. Чтобы создать лед, нужно забрать тепло. А если он заберет слишком много... он боится, что случайно заморозит весь континент. Он — трус с великой силой.

Кени медленно повернул голову к Маркусу. Его зрачки сузились в тончайшие иглы. — Ты говоришь о том, чего не понимаешь, мясной мешок с гниющей кровью.

— О, я прекрасно понимаю, — Маркус шагнул вперед. — Ты запер себя в этом холодильнике, потому что однажды уже убил того, кого любил. Я прав? Ошибка в расчетах. Перепутал переменную «враг» и «союзник». И теперь ты наказываешь себя холодом. Как банально.

Это было ошибкой. Кени не издал ни звука. Его рука с луком просто дернулась. Но он не стрелял в Маркуса.

Он выстрелил в небо.

Тетива издала звук лопнувшей струны. Стрела, сотканная из чистого мороза, ушла вертикально вверх.

— Зачем ты это сделал? — спросил Финн, ежась от усилившегося холода.

— Смотрите, — ответил Кени.

Джек посмотрел вверх. Сначала он ничего не видел. Но его глаза Пустоты видели иное. Они видели тень. Тень от невидимой стрелы падала вниз. Она росла. Она закрыла солнце.

На поляну опустилась ночь. Но это была не ночная тьма. Это была тьма абсолютного нуля. Температура упала так стремительно, что воздух начал замерзать. Джек услышал, как за его спиной с треском лопаются легкие Грома — великан не выдержал такого перепада давления.

Мир вокруг начал меняться. Мертвые деревья, стоявшие до этого сухими скелетами, начали покрываться инеем. Но это был не белый иней. Это был черный иней. Вода в клетках растений замерзала так быстро, что расширяющийся лед разрушал их изнутри, и теперь лес выглядел как армия замерзших демонов.

— Он забирает тепло, чтобы питать стрелу, — прошептал Финн, падая на колени. Его печати гасли. — Он убивает нас, чтобы сделать один выстрел.

Джек шагнул вперед. Пустота внутри него взвыла от восторга. Наконец-то. Еда. Но Джек не позволил ей взять верх. Он сжал кулаки, удерживая руны.

— Кени! — крикнул он. — Довольно!

— Ты не понимаешь, — голос Кени звучал теперь иначе — в нем не было человеческих нот, только свист ветра в ледяных ущельях. — Я должен показать вам. Вы идете на смерть с улыбкой, потому что не видите конца.

Он опустил лук. Черный иней вокруг них начал стремительно таять, превращаясь в густой, тяжелый туман.

— Вы думаете, что спасаете одну женщину, — Кени подошел к Джеку вплотную. От него шел пар, а земля под его ногами шипела. — Вы думаете, что Люмен — это просто жадные люди. Но они — это будущее.

Кени поднял руку, и туман перед ними сгустился, обретая плотность.

— Я покажу вам, что будет, если вы проиграете. И что будет, если вы победите.

Кени положил свою ледяную ладонь на грудь Джека, прямо над сердцем.

Мир исчез.

Это не было сном. Это была чужая память, влитая прямо в сознание.

Джек стоял на балконе из белого мрамора. Внизу раскинулась столица Люмена — Город Абсолютного Порядка.

Но это был не тот город, о котором ходили слухи. Не сияющий мегаполис. Это была ледяная гробница.

Белый Свет здесь был не золотистым или теплым. Он был мертвенно-голубым, цвета гангрены. Он не освещал — он вытягивал тени.

В центре площади стоял Престол. Огромная металлическая конструкция, похожая на вывернутый наизнанку цветок. И в самом его сердце...

Лили.

Она была подвешена в воздухе десятками стальных обручей. Ее глаза были открыты, но пусты. Ее кожа светилась тем же мертвенным голубым светом. От ее тела шли тысячи тончайших стеклянных трубок, которые уходили в недра Престола.

По трубкам текла золотистая жидкость. Ее жизнь.

— Они называют это «Великой Гармонизацией», — раздался голос Кени прямо в ухе Джека, хотя сам лучник стоял на той же площади внизу, замерзая в ледяную статую. — Они подключили ее к климатической машине. Она больше не человек. Она — Сердце Мира.

Джек попытался закричать, броситься вниз, но его тело не слушалось. Он был лишь зрителем.

Вокруг Престола стояли рыцари Люмена. Они медленно, в абсолютной тишине, обнажали мечи и вонзали их себе в грудь. Их кровь не текла на землю. Она по воздуху, тонкими ручейками, собиралась в хрустальные чаши.

— Они отдают свои эмоции, — пояснил Кени. — Свою волю. Свою страсть. Все, что делает их людьми. Они переливают это в систему, чтобы питать машину, которая держит Лили. Они становятся идеальными солдатами. Пустыми. Как ты.

Картинка дрогнула.

Теперь Джек видел Сицилию. Но от нее не осталось ничего, кроме льда. Вечный лес стал хрустальным кладбищем. Водопады застыли в падении, превратившись в гигантские сталагмиты.

А посреди замерзшей долины стоял замок. Их замок. Тот, который они так и не достроили.

У входа стояла фигура. Это была Лили. Но ее волосы стали сосульками. Кожа — белее мела. Губы — синие. Она смотрела прямо на Джека, и в ее пустых глазах не было ни капли узнавания.

— Вот что будет, если ты вырвешь ее из их машины, — сказал Кени. — Она — сосуд. Если разбить сосуд, содержимое выльется. Ее магия исцеления, запечатая в мертвом теле, обернется абсолютным холодом. Она не сможет остановиться. Твоя любовь заморозит весь мир.

Видение начало таять.

— Нет, — прошептал Джек. — Я не позволю...

— Ты не сможешь не позволить, — голос Кени был полон вековой усталости. — У тебя есть Пустота. Ты — разрушитель. А она — созидатель. Вы несовместимы с жизнью.

Туман рассеялся.

Джек стоял на коленях в грязи. Его рвало желчью. Рядом, тяжело дыша, лежал Гром — великан едва не замерз насмерть. Финн трясся, стуча зубами, его пальцы были синими. Вега стояла, прислонившись к дереву, и ее ножи были обнажены — она готовилась убивать, если Кени сделает еще хоть шаг.

Кени стоял над Джеком. Его лук снова был частью руки. Он выглядел изможденным, его кожа посерела — показ будущего отнял у него слишком много сил.

— Теперь ты понимаешь? — спросил Кени. — Твоя любовь — это конец света. Либо она горит в их машине, питая их порядок, либо она замерзает, уничтожая хаос. Третьего не дано.

Джек поднял голову. Его глаза Пустоты смотрели на Кени, но видели сквозь него.

— Ты показал мне, что будет, если я проиграю, — хрипло сказал Джек, вытирая рот рукавом. — Или если я выиграю неправильно.

Он с трудом поднялся на ноги. Его пошатывало, но Пустота внутри уже переварила увиденный ужас, превратив его в ледяное, абсолютное спокойствие.

— Но ты не показал мне самого главного, Кени.

— Чего? — насторожился лучник.

— Ты не показал мне, как сделать так, чтобы сосуд остался цел, — Джек шагнул к Кени. — Ты великий стратег, Кени. Но ты мыслишь категориями «убить» или «спасти». Ты стреляешь в цель. Но иногда, чтобы спасти цель, нужно убить не ее, а то, что ее держит.

Джек подошел вплотную. Он был выше Кени. Он навис над ним, и от его тела пошел пар — Пустота, почувствовав эмоциональный всплеск хозяина, начала поглощать остаточный холод лучника.

— Ты заморозил свое сердце, чтобы не чувствовать боли, — сказал Джек тихо, чтобы слышали только они двое. — Ты боишься своей силы, потому что однажды сжег ее теплом. Но посмотри на нас.

Джек обернулся. Гром пытался согреть руки Финна, вдувая в них горячий воздух. Вега хищно улыбалась, ее глаза горели жадной крови. Маркус стоял в стороне, с интересом наблюдая за сценой, как ученый за интересным экспериментом.

— Мы — сломанные вещи, Кени, — продолжил Джек. — Гром без земли — просто гора мяса. Финн без своих цифр — безумец. Вега без крови — труп. Маркус без права на ошибку — палач. А я... я дыра.

Он положил свою черную, покрытую рунами руку на плечо Кени. Кени вздрогнул, ожидая обморожения, но вместо холода почувствовал лишь пустоту.

— Мы не несем жизнь, Кени. Мы несем войну. Ты боишься, что твоя стрела случайно заморозит невинного? Не бойся. Я буду стоять рядом. Моя Пустота выпьет излишек. Она поглотит взрыв. Мы будем оружием, Кени. Идеальным, хирургически точным оружием. Ты даешь холод. Я — вакуум, который не даст ему распространиться дальше нужного.

Кени смотрел на руку Джека на своем плече. Лед на его собственной коже начал подтаивать.

— Ты предлагаешь мне стать убийцей, — прошептал Кени.

— Я предлагаю тебе стать хирургом, — ответил Джек. — Ты боишься своего прошлого. Того выстрела в Залах Тысячи Эхо. Ты думаешь, что убил невинную. Но ты не знаешь правды.

Кени вскинул голову. В его льдистых глазах впервые за долгие годы мелькнул огонек — не холода, а изумления. — Откуда...

— Маркус, — Джек кивнул в сторону проклятого гения. — Он копался в архивах Люмена. Та женщина, которую ты убил. Она не была женой Императора. Она была его Пятым Резервуаром. Живой батареей. Ты не убил невинную, Кени. Ты просто сделал это слишком рано, и они успели подключить резервную копию. Твоя стрела не сорвала их план. Она лишь отсрочила его на десять лет.

Маркус театрально поклонился. — Приятно, когда мои труды ценят.

Кени отшатнулся от руки Джека, словно обжегся. Он сделал несколько шагов назад, глядя на свои ладони. — Я... я заморозил ее. Я думал, она кричала от боли, когда я брал ее тепло...

— Она кричала, потому что ее душу рвали на части, — жестко сказал Джек. — Ты просто прервал ее мучения.

Ледяной лучник закрыл глаза. Его плечи затряслись. Но он не плакал. С его тела начали осыпаться кристаллы инея. Он словно... оттаивал.

Когда он открыл глаза, его зрачки больше не были вертикальными щелями. Они стали человеческими, полными боли, но живыми.

— Если я пойду с вами... — начал он. — Ты пойдешь, — перебил Джек. — Потому что там, в столице, они подключили Лили к машине. И если мы ее просто вытащим, мир замерзнет. Но если ты выстрелишь...

— Я могу заморозить саму машину, — закончил за него Кени. — Не тело. Механизм. Остановить процесс передачи.

— Именно, — кивнул Джек. — А я буду держать вакуум вокруг, чтобы ваша «Гармонизация» не рухнула на головы миллионам людей.

Кени посмотрел на свой лук. Он сжал кулак, и дерево с костями на его руке с тихим хрустом отделилось, превращаясь в обычный композитный лук невероятной красоты.

— Мой дом... — Кени оглянулся на ледяную глыбу. — Он слишком тесен для шестерых.

— Для шестерых отверженных, — поправил Маркус, подходя ближе. — У тебя есть выбор, лучник. Остаться здесь и превратиться в ледяной обелиск в память о собственной вине. Или пойти с нами и превратить в обелиски тех, кто в этом виноват.

Кени посмотрел на Джека. В глазах бывшего весельщика не было ни надежды, ни страха. Только черная, бездонная решимость. Пустота, которая приняла свою суть.

— Я замерзну тысячу раз, прежде чем позволю им пить ее свет, — сказал Джек.

Кени медленно кивнул. Он протянул руку. — Дай мне свою стрелу, — сказал он.

— У меня нет стрел, — усмехнулся Джек.

Кени проигнорировал его. Он посмотрел на Вегу. — Маг крови.

Вега приподняла бровь, но подошла. Она молча полоснула ножом по своей ладони. Густая, темная кровь капнула на снег.

Кени коснулся капли пальцем. Кровь не впиталась в снег. Она не зашипела. Она начала меняться. Температура вокруг капли упала. Она темнела, кристаллизовалась, превращаясь в идеальный шестигранный стержень.

Кени взял готовую стрелу. Она была сделана из красного, как рубин, льда. Внутри нее, словно в янтаре, застыла капля крови Веги.

— Это плохая магия, — сказал Кени, пробуя стрелу на вес. — Она нестабильна. — Поэтому с нами идет Финн, — Джек кивнул на мастера печатей.

Финн, все еще дрожа, вышел вперед. Он достал из сумки тончайшую серебряную проволоку. — Если я сплету стабилизирующую матрицу вокруг наконечника, — сказал он, — и синхронизирую ее с твоим пульсом, Кени... стрела не взорвется в полете. Но это потребует идеальной концентрации. Если ты чихнешь — мы потеряем северный полюс.

— Я не чихаю, — ответил Кени.

Он подошел к Джеку. Их глаза встретились. Голубой лед и черная пустота. — Я пойду с тобой, — сказал Кени. — Но у меня есть условие. — Какое?

— Если в процессе спасения Лили мир все же начнет замерзать... — Кени сжал лук так, что побелели костяшки. — Ты дашь мне выстрелить в нее. Чтобы прекратить это. Я не хочу, чтобы она стала вечной статуей из-за нашей ошибки.

Джек смотрел на него долгую секунду. Он видел в глазах Кени готовность убить ту, кого Джек любил больше жизни.

— Договорились, — сказал Джек и протянул руку.

Кени пожал ее. Рука лучника была ледяной, но теперь это был холод металла, а не мертвого космоса.

— Выдвигаемся, — скомандовал Джек, отворачиваясь. — До границы владений Люмена два дня пути. Гром, ты как?

Гром, который уже отлежался и теперь выглядел как обычно — громоздким и опасным, — оскалился в улыбке. — Я думал, ты приведешь нас мага огня, чтобы греться. А ты привел холодильник. Но этот холодильник умеет стрелять. Мне нравится.

Они двинулись в путь. Кени шел теперь в общем строю. Он больше не пытался заморозить все вокруг. Напротив, казалось, что само его присутствие успокаивает истерзанную землю. Он смотрел на черные руны Джека, на гниющую магию Маркуса, на дрожащие печати Финна.

— Из нас не получится армия, — сказал Кени, поравнявшись с Джеком. — Из нас получится один идеальный удар.

— Нам больше и не нужно, — ответил Джек, глядя на север. Горизонт там начинал едва заметно светиться тем самым мертвенным белым светом. — Нам нужно только одно сердце.

— И одна стрела, — закончил Кени.

Снег под их ногами хрустел. Впереди ждала империя, считающая себя богами. Но теперь у Джека был лед, который сможет охладить их гордыню, и Пустота, которая поглотит их свет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.